

Память и антипамять

Давно замечено коварное свойство человеческой памяти: слабая со временем, она не просто сокращается в своих возможностях — она подменяется. Подменяется как бы антипамятью, когда ее багаж замещается образами, имеющими более позднее происхождение. Люди, действительно совершившие свой исторический подвиг, повергшие злейшего врага человечества — немецкий фашизм, нередко охотно и легко, почти добровольно отдают себя в жертву отжившей тоталитарной идеологии. От всех многочисленных переживаний прошлой войны остаются лишь сладостные звуки фанфар финального парада да ласкающий перезвон медалей на собственной груди. Память упрямо стремится освободиться от бремени бед и несчастий, пережитых миллионами, прежде чем они добились эту победу.

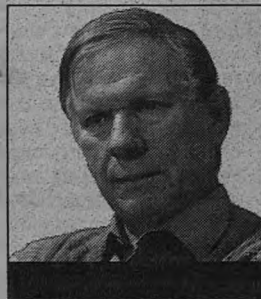
И тем не менее эта память живет, колобродит в смутном сознании посттоталитарного общества, требуя ответа на табуированные до недавнего времени вопросы. Да, мы победили, но какова цена нашей победы? Что мы принесли на своих штыках освобожденным народам Европы? Насколько оскотилили поляков, чехов, словаков, венгров, румын, болгар и югославы, которые и доселе не могут выбраться из не нами ли вырытого рва социалистического счастья? Еще и сегодня трудно понять также, чем мы воевали — числом или умением, если оставили на поле боя в десять раз больше трупов, чем наш поверженный враг. Так ли искушены были в военном искусстве наши прославленные полководцы, управлявшие войсками не столько указующим перстом, сколько дубовым дрыном. Да еще посредством огромной пропагандистско-комиссарской армии, смерша, особых отделов, заградотрядов, трибуналов, штрафных и штурмовых рот и батальонов. Интеллектуальные силы Красной Армии, как теперь известно, усиленно трудились над созданием образцов-примеров для подражания, а позже — пропагандистских мифов о том, как, по веткому определению Солженицына, русский Иван бежал на войну, чтобы скорее отдать жизнь за Родину.

Образ усатого генералиссимуса превратился для определен-

*Моск. новости. - 1994. - 24-31 июля.
— с. 5.*

ной части ветеранов в богоподобное существо с погасшей трубкой в руке, античного героя в суконной шинели, приведшего верноподданный народ к победе. В плебейском экстазе преклонения многие теперь готовы напрочь забыть свои обиды и стыдливо отречься от себя тогдашних — вечно голодных и усталых, вшивых, задавленных несправедливостями начальства, проклинаящих все и вся. Немного было проблем для тех, кто смирился с неминуемой гибелью — героической, как Матросов, или голодной, скотской погибелю в бесчисленных немецких шталагах. Неразрешимые проблемы возникали для решивших уцелеть, дотянуть до сносной человеческой жизни. Не на этой ли почве в значительной мере возникали и проявления трусости, предательства, коллаборации с врагом — вовсе не по идейным соображениям, а в естественной надежде переждать, обхитрить, выиграть время, чтобы затем... Но это затем, как правило, не наступало. Как не наступило оно для генерала Власова и его армии, для националов и антикоммунистов, для многих из тех, кто вознамерился затаяться, уберечься над схваткой двух обезумевших тигров.

Все годы войны Белоруссия полыхала в пожарах партизанских боев, гибли ни в чем не повинные люди, рушились города и села. Но с кем воевала полумиллионная партизанская армия в далеком от фронта немецком тылу? Кто противостоял ей — неужто, как мы привыкли считать, отборные дивизии СС или пресловутый полицейский батальон Дирливангера? Присланные из-за линии фронта чекистско-бериевские группы, подпольные обкомы-райкомы, комфортабельно устроившиеся в тихих заболотных лесах, действительно разожгли пожарище гражданской, по существу, войны белорусов тем успешнее, что горячего материала хватало. Его наготовили за все предыдущие годы советской власти, немало поработавшей ради раскола нации по классовому, политическому, конфессиональному и прочим признакам. Горела Беларусь, ее сыновья убивали друг друга, с усердием выполняли все тот же гитлеровско-сталинский план геноцида по отношению ко всем, кто не с ними.

Василь БЫКОВ,

писатель

Спустя полвека не правомерно ли задать себе элементарный вопрос: что мы имеем от той нашей победы? Вот немцы, например, не победили, не победили итальянцы и японцы — претерпели оглушительные национальные катастрофы. Но из тех катастроф они извлекли определенные уроки и в результате так благоустроили собственную жизнь, как нам не благоустроить ее никогда. Так ли однозначна для нас наша историческая победа? Может, кроется в ней что-то еще, более для нас важное? Или это Всевышний так своеобразно распределил свою божескую милость: кому пустозвонная ликующая победа, а кому комфортная человеческая жизнь.

Чем больше времени проходит с памятного мая 1945 года, тем больше вопросов выдвигает прошедшая война. Обесцениваются многие из, казалось бы, безусловных ценностей, возникают новые. Поколениям помоложе кажется, что для них наступило новое время, не связанное с проклятым прошлым, ставшим заслуженной участью их отцов и дедов. Но поостережемся с выводами. Все-таки многое в мире связано бечевой, не распутав крепкие узлы которой, не очень-то продвинешься в счастливое будущее. Хотя история, как известно, ничему не учит, но и учиться у себя никому не воспрещает. Тому, конечно, кто хочет чему-то научиться. Для прочих она — непотребная штука. В том числе и история прошлой большой и кровавой войны.

ВО МНЕ